

сирота казанская

Александр Дюма:

В Казани даже зайцы любезны

«Я в Казани, в царстве татар. Положив портфель мой на колени, пишу к Вам с берегов Кабанского озера», – такими словами начал своё первое письмо в Париж путешествующий по России автор «Трёх мушкетёров».

В Казань писатель прибыл 7 октября 1858 года из Нижнего Новгорода на пароходе «Лоцман» и пробыл в нашем городе несколько дней. Остановился Александр Дюма в небольшой гостинице конторы пароходства «Меркурий», что находилась в Адмиралтейской слободе (здание это было снесено года три назад). Основное своё время писатель посвятил осмотру казанских достопримечательностей – Кремля, Университета, мечетей и слобод...

Приняли писателя душевно, организовали даже загородную охоту, после которой он сострил: «В Казани даже зайцы любезны!» Вернувшись во Францию, Дюма издал книгу путевых заметок «По России», которая, по мнению критиков, ничем не уступала его знаменитым романам.

Итак, полистаем путевые заметки Дюма и посмотрим на Казань тех лет глазами французского писателя:

«Часов в шесть вечера, с первыми тенями сумерек, мы увидели на холме в шести-семи верстах от реки минареты древнего татарского города, переделанные в колокольни. Уже стемнело, когда мы бросили якорь и высадились на крутом берегу...»

Казань – один из тех городов, что предстают перед вами в дымке истории. Её татарские воспоминания ещё столь свежи, что невозможно привыкнуть к тому, что она считается русским городом, – и действительно, именно здесь, с точки зрения нравов и костюма, начинается Азия.

Я никого не знал в Казани, но на следующий день весь город узнал о моём приезде, и мне уже не о чем было беспокоиться – ни о житейских мелочах, ни о провожатых.

Осмотрев Кремль, мы пошли по лавкам. Казань славится кожами и мехами.

Я привёз несколько вещей, являющих собой чудо выделки: охотничью сумку, матрас и подушки, патронташ, ремни и сапоги, которые я купил в магазине и которые оставляли далеко позади лучшие изделия того же рода во Франции. Хорошая медвежья шкура, которая продаётся по четыреста франков в Париже, в Казани стоит двадцать два рубля, то есть девяносто франков!

Запомнились мне вывески, которые попадаются в городе на каждом шагу – это вывески парикмахеров: на одной половине изображён мужчина, которого причёсывают и бреют, а на другой – женщина, которой пускают кровь и прижигают бородавки! Древняя мусульманская традиция утверждает превосходство мужчины. Он красив, и его предназначение покорять сердца. Женщина, напротив, создание слабое и болезненное, годное лишь для кровопусканий...

Казанский университет похож на любой другой: там есть библиотека в 27 тысяч томов, которые никто не читает, и 124 студента, которые стараются заниматься как можно меньше...

...На следующий день, обогащённые

или, скорее, обременённые пятью-шестью тюками, мы простились с нашими казанскими друзьями и легли спать уже на борту корабля «Нахимов», который ночью снялся с якоря...».

Из Казани Александр Дюма отправился в Саратов, потом в Астрахань и далее в Кизляр. О «добром» нраве чеченцев, о заложниках и работоторговле, о зверствах и отрубленных головах писатель живописал в своей книге, которую назвал «Кавказ». Рисунки на всём протяжении путешествия по России делал его спутник художник Жан-Пьер Муане.

Кроме того, после возвращения в Париж, перепробовав многонациональные кухни по пути следования, Дюма собрал в свою знаменитую Поваренную книгу, где, между прочим, приводит рецепт «*татарских медовых кусочков*» (по всей видимости – «чак-чак»), про конину пишет, что она «*столь любима татарами, но малопригодна для европейских желудков*», а кумыс, так тот даже «*опасен для здоровья*»!

А вот каким увидел писателя купец Панаев, хозяин известного казанского увеселительного сада: «*Дюма во многом напоминал своего героя Портоса, высокий, полный, дышащий силой, весельем и здоровьем. Гигант с поднятыми вверх густыми волосами с сильной проседью, которые словно шапка покрывали его голову... Говорил Дюма много, громко и несколько театрально, сильно жестикулируя*».

В одном из своих писем в Париж Дюма, сообщая о местных жителях отмечает, что «*они грязны и растрёпаны, но всё же экзотичны*». Интересно отметить, что точно такие же качества, но уже в самом писателе, отметили и казанцы.

Злые языки говорят...

...что Дюма одевался крайне неряшливо: сюртук носил запачканный, залитый вином, жилет надет был вкривь и вкось. Жил писатель довольно грязно. Друзья делали некоторые попытки улуч-

шить его житьё-бытьё, но всё тщетно. Однажды Дюма собирался на маскарад и спрашивал совета у своей знакомой Луизы фон Мейлер: во что ему одеться? На что она серьёзно сказала: «Месье, вы вымойтесь да причешитесь, и вас никто не узнает!

...что Дюма был довольно расточителен. Так, он выдумал сделать себе дорожную шкатулку, которая бы заключала в себе всё: и принадлежности туалета, и библиотеку, и подзорную трубу, и складную удочку, и часы, и принадлежности для письма, и табакерку, и сигары, и... Словом, всё, что нужно и не нужно, да может понадобиться.

Шкатулка получилась огромная, её делал футлярщик Торнеус аж полгода! Когда же шкатулка была готова, оказалось, что она не помещается в коляску. Пришлось Дюма заказывать ещё и коляску. Когда готова была и коляска, оказалось, что ему... некуда ехать!

Не все знают, что идею «Трёх мушкетёров» Дюма вычитал в «Воспоминаниях» самого д'Артаньяна, которые, кстати, были полной мистификацией, причём столь удачной, что Дюма, собаку съевший на французской истории, проглотил и эту дворняжку. И уж мало кто знает, что д'Артаньянов во французской литературе не меньше, чем теперь фильмов о нём. Начало положил некий проходимец Гасьен Куртиль де Сандра, оставивший после себя «Записки гасконца». Писатель Огюст Маке, написав, опираясь на эти «Записки...», огромный роман о метаниях г-на д'Артаньяна между постелью, кредиторами и карьерой. Дюма подобрал весь этот «окололитературный хлам», переписал его заново, прибрав по дороге у Ларошфуко историю с подвесками королевы, а у третьесортного журналиста Ива Шантана «Мемуары благопристойной Миледи», и выпустил свою, теперь уже знаменитую книгу о мушкетёрах!

Карманный

Собираясь в путешествие, «правильный» турист обязательно прикупит словарь, чтобы хотя бы научиться говорить по-ихнему: «привет», «пока» и «пошёл туда-то».

С английским всё понятно – он вездесущ, но вот чтобы за короткое время тура попытаться понять душу местного народа, он-то как раз и не годится. Живой язык, наряду с фольклором и национальной кухней – вот те ключики, с помощью которых можно подобраться к сердцу незнакомого народа.

Кто в последние годы посещал Болгарию, застал её совсем какой-то «неболгарской». Помните обидное: «Курица не птица – Болгария не заграница»? Так вот, теперь поговорка исторически устарела. Местные газеты страшат статейками о нашествии в страну «русской мафии» («Руската мафия атакува България!»), и лишь поколение тех, кому за сорок, всё еще по-доброму вспоминает дружественный СССР, дармовую электроэнергию, дешёвый газ, неприхотливые «Жигули» и обязательные уроки русского языка в школе...

Болгарская молодёжь уже не изучает русский, поэтому есть трудности с общением. Болгарский язык, конечно, родственен русскому, однако нашему человеку в разговоре с болгаринном не столько всё понятно, сколько – смешно. *Водка внос* означает *импортная водка*, фраза *шиш на двама* – переводится как *шашлык на двоих*, а вот *пилешки котлет* – *куриные котлеты*, прозаичная *глазунья* называется (о, боже!) *яйца на очи!* Мимика в общении помогает лишь отчасти, так как совершенно невозможно привыкнуть к тому, что у нормальных людей, кивание го-

словарик путешественника

ловой означает – да, мотание – нет, а у болгар всё наоборот...

Но, если читать внимательно текст на болгарском, то на 80 процентов он будет вам понятен. Я сохранил одну болгарскую газету, ради её заголовков. Вот «Хрушов блъска кафедра в ООН с щатска обувка», под которым вспоминают о том, что наш Генсек стучал по столу ботинком американского производства. Фоторепортёр тутакси щракнул (тут же сфотографировал) это событие, а специалист от американска разузнавателъна служба увеличил тот снимок и разглядел, что на подмётке обувки, которой стучал Никита Сергеевич, выкрикивая: «Ние ще ви погребем!», стояло клеймо «Made in USA»!

А как вы думаете, что в переводе может означать: «Голо тяло пред оглядатало? Всё просто: голо тяло – голое тело, а пред оглядатало – перед зеркалом, перед которым человек себя оглядывает.

Взял стихотворный томик болгарского поэта со странным для мужчины именем Людмил Стоянов и там тоже всё понял:

О, мой боже, правий боже,
не ти, що си в небесата,
а ти, що си в мене, в душата...

Согласитесь, звучит болгарский красиво, как молитва!

Польский язык по мелодичности не уступает болгарскому. Вот, примеры:

варежки – рукавички
валенки – валонки
бюстгальтер – бюстнож
бутылка – бутелка
лягушка – жаба
лошадь – кон
парень – хлопец
девушка – дивчина
бледнеть – бледначь
запеть – заспевачь

Чешский мне показался более грубоватым, наверное, на его развитии сказалась близость Германии со своим «армейским» языком, идеально подходящим для отдачи команд. Тем не менее, славянский дух не изничтожился. Судите сами:

вуня – приятный запах
вунявка – духи
черстви – свежий
позор – внимание
брюхо – живот
пёс – собака
базар – магазин
невеста – проститутка

В Македонии, бывшей составной части Югославии, наш турист практически не бывал. Делегация писателей Татарстана оказалась в Македонии, в городе Блед, на берегу живописного, одноимённого озера, на Всемирном конгрессе писателей по линии Международного ПЕН-клуба. И вот что мы там записали:

виноград – грозди
железная дорога – железница
машина – возиля
мороженое – сладолёд
охотник – ловец
охотничий – ловачка
уважаемые гости – почитувани гости
экскурсия – разгледуванье
я тебя люблю – уас те сакам

Знакомая со славянской группой языков, начинаешь прямо-таки воочию наблюдать эту родственную связь. Образно говоря, шёл какой-то единый мифический народ по дороге истории и время от времени в силу каких-то причин от толпы отбивались стайки людей и уходили в сторону. Новое место поселения – это новые соседи, с которыми надо было находить общий язык, испытывать на

себе их культурное и бытовое влияние. Сюда ещё добавим перемену климата, продуктов питания, а всё вместе это постепенно меняло как характер народа, так и его внешние черты. Но какими бы разными за прошедшее тысячелетие ни ста-

ли русские, украинцы, болгары, белорусы, поляки, чехи, словенцы, македонцы... – стоит только копнуть поглубже, и там обнаружится толстый и кряжистый корень, единый для всех, под названием славянский язык!

Наш корр.

Литературно-художественное и культурно-просветительское издание

КАЗАНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Иллюстрации: *А. К. Сайфутдинов*
Художественный редактор *Р. Х. Хасаншин*
Обложка: *А. Х. Мушинский*
Компьютерная вёрстка: *Н. П. Клипова*
Корректоры *А. Г. Хамитова, Н. И. Максимова*

Оригинал-макет подписан в печать 15.01.2008. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Arial». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,85. Усл. кр.-отт. 20,15. Уч.-изд. л. 18,55.
Тираж 2000. Заказ Т-36.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>
e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул.Декабристов, 2.